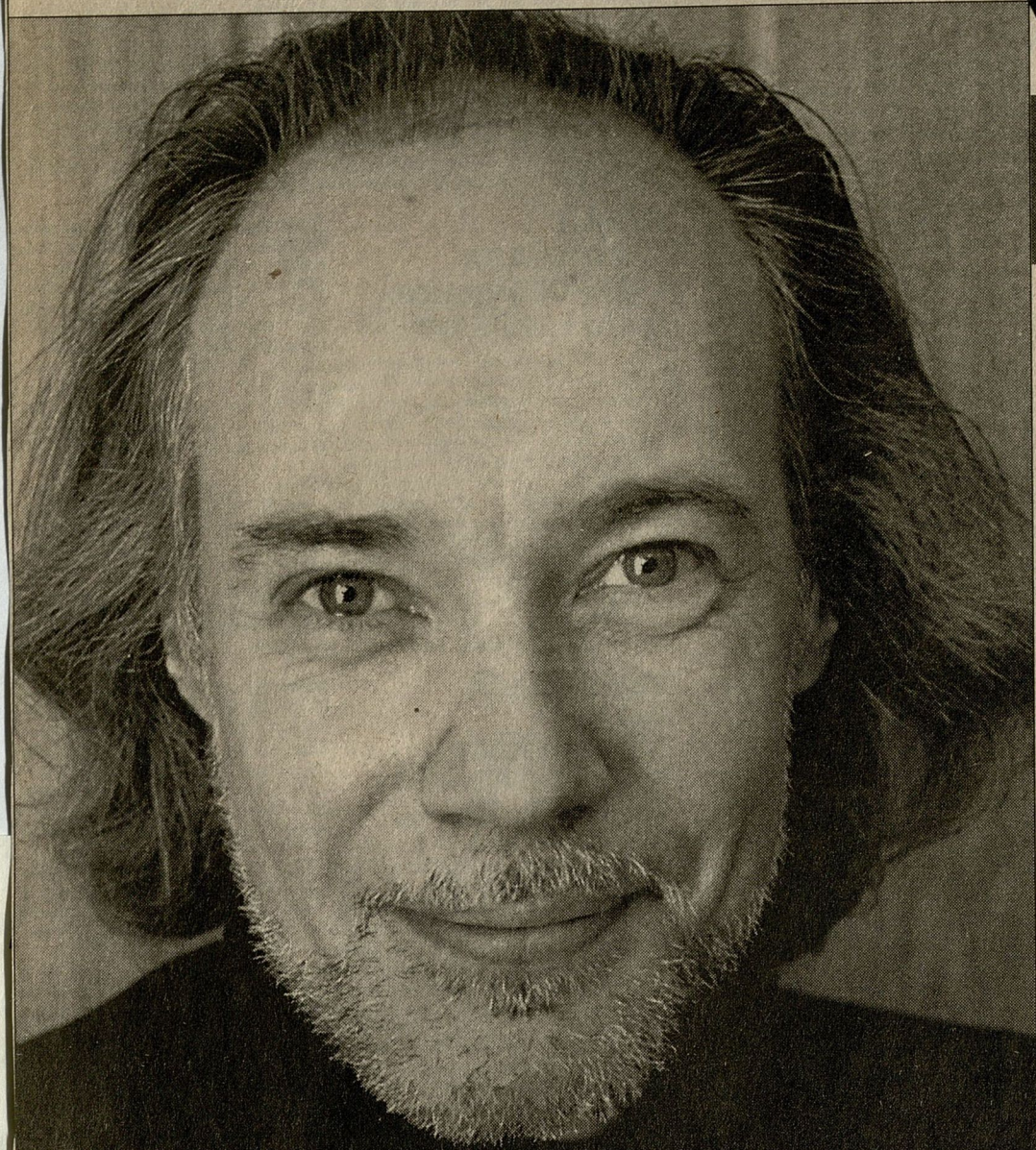

ШАРАПОВ УХОДИТ К БОГУ

После разговора с Владимиром Конкиным я, признаться, пожалел, что газетное интервью не визуальный жанр. Вялое репортерское перо даже при посредстве технологической мощи персонального «Макинтоша», увы, бессильно материализовать эту экспрессию, эту пластику и мимику, это неистовство интонаций в диапазоне «от Алеши Карамазова до Мефистофеля». Хотя, впрочем, «вначале было Слово».

Встр. Москва, 2000-2001, - с. 6
Виктор ГАЛАНТЕР

Хочешь — входи

— Володя, вас знают все, но не все знают, чем вы сейчас заняты.

— Начну с цитаты. (Почти патетически) «Я побежден в борьбе. И я должен был быть побежден. И те, кто будет мне подражать, будут побеждены. Ибо такова участь нормального человека в ненормальном мире». — Джонатан Свифт. На следующий год, если Бог даст, мне исполнится пятьдесят. Я сыграл тридцать девять ролей в кино, именно столько, а не «около-сорока», как любят говорить господа актеры. Но на сегодняшний день больше, чем когда бы то ни было, моя жизнь зависит, скажем так, от обстоятельств. Выручает то, что я все-таки актер театральный: сейчас играю в трех антрепризных спектаклях. Актерское безделье может привести человека в уныние. Да, Господь нам завещал: «И в скорбях своих радуйтесь», но тем не менее хочется еще чуточку и в профессии себя реализовать.

— Интонация уныния в ваших словах, Володя, все же проскальзывает — поэтому?

— Я не плакса. Ну, взяли, ограбили мою машину. Все знают, что это автомобильчик старенький — это Конкина машина. Все знают, что грабить там нечего — не замок сломали. Я не могу поменить замок, потому что у меня нет денег. Машина стоит открытая уже два месяца: хочешь — входи, хочешь — покатайся. Но я не плачусь, я улыбаюсь. Я не хочу своей сегодняшней, может быть, несостоятельностью и беззащитностью бравировать: знаю — другим хуже.

— Киношный мир, непростой и, видимо, в чем-то жестокий, насколько не деформировал вас как личность?

— Мир кино, особенно когда ты в чем-то состоишь — это ведь большой искус. И хочется продолжения этого. После первой звездной роли многие ломались — психически ломались. И я укушен этой бациллой — больше это проявляется на бытовом уровне. У меня было одиннадцать театров в жизни — жена одна. Она не имеет никакого отношения к моим творческим неудачам, но я на ней... иногда срываюсь. Во грех-то какой!

Досье «ВМ»

Владимир КОНКИН родился в 1951 году в Саратове. Окончил Саратовское театральное училище имени И. А. Слонова. В 1972 году уехал по распределению в Харьков, где проработал два сезона в ТЮЗе. После роли Павла Корчагина в телефильме «Как закалялась сталь» (1973) стал самым молодым «Заслуженным артистом Украины».

В 1973—74 гг. играл в Театре имени Моссовета. Снова уехал на Украину (из-за «квартирного вопроса») и опять вернулся в Москву в 1979-м. Десять лет работал в Театре имени Ермоловой.

Наиболее заметные работы в кино — «Романс о влюбленных», «Аты-баты, шли солдаты», «Место встречи изменить нельзя», «Отцы и дети», «Дубровский», «Романовы. Венценосная семья».

Женат 30 лет. Сыновья — близнецы Святослав и Ростислав, дочь Софья. Дважды дед.

Таинство свершилось

— Знаю, что актерская профессия — не единственная точка приложения ваших духовных сил.

— Я сотрудничаю с православным фондом Андрея Первозванного. Ездил с ними через всю страну: два наших вагончика прицепляли к проходящим поездам. Мы устанавливали кресты по всей стране — от Москвы до Владивостока: делали большое нужное дело по укреплению веры и связанной с ней культуры. Потому что ереси очень много развелось, и не всякий час мы преуспеваем в борьбе с бесовщиной.

— Как всякий нормальный советский человек и вообще бывший Павлик Корчагин вы, надо полагать, не сразу пришли к вере?

— Когда в пять лет я заболел скарлатиной и у меня случилось осложнение на сердце, моя покойная бабушка Ольга Даниловна сказала моим родителям, тоже, к несчастью, уже покойным: Леша, Люба, вы хотите потерять и второго сына? Дело в том, что мой старший брат умер от полиомиелита семнадцатилетним мальчиком. Он не был крещен, и я не был крещен. И вот, когда папа уехал в командировку (он был исключительно порядочный человек, но, увы, верил в коммунистические бредни), бабушка крестила меня в нашем храме, в Саратове. Я даже помню, как рвал этот крестик на себе — маленький оболтус... Таинство свершилось. Шли годы, мальчик подрастал. И так случилось в моей судьбе, что начиная с фильма «Как закалялась сталь» (да, да, не улыбайтесь!), в моей судьбе все чаще, и чаще, и чаще стали встречаться священнослужители. То на съемках в Шепетовке, где мы снимали еврейский погром. То в купе СВ я оказался рядом со священником... И я стал к этому достаточно серьезно относиться. Теперь, где бы я ни был, любое свое дело я начинаю с посещения храма. Я не участник никаких движений и не член никаких партий, есть одна для меня привязанность, которая устранивает меня как человека и которая меня не унижает: это — храм Божий.

— Помимо священнослужителей, еще кто-либо преподавал вам «правильные» уроки?

— Я никогда не забуду: когда мои мальчики пошли в первый класс английской школы в Киеве и я приехал за ними на своей черной «Волге», ко мне подошла директор этой самой школы и попросила: «Владимир Алексеевич, вот вы приезжаете на «Волге», а у многих наших детей этой возможности нет и; может быть, никогда не будет!» И я понял ее урок! Я ставил машину уже за квартал! И когда мои дети учились уже в 31-й московской школе, машину, тогда уже свой «Вольво» (их было пять штук на весь Советский Союз) я на Тверской оставлял. А у школы вся улица была забита «Чайка-

Тебе хорошо, ты рядом живешь, а мне еще до общаги добираться...

ми», и оттуда выходили клопаты с портфелями и шествовали на урок.

— Москва вас ласково приняла?

— Как же! У меня было уже двое детей, но не было здесь ни кола, ни двора. Иннокентий Михайлович Смоктуновский, который был отчасти моим партнером по фильму «Романс о влюбленных», приютил меня в своей квартире на Гоголевском бульваре. И Андрон Кончаловский ко мне хорошо относился: я у него на даче в Перedelкине жил... Спасибо им!

Глеб и Володя

— Ваш дует с «Жегловым» в эпохальном «Месте встречи» обрел хрестоматийный глянец на скрижалях народной любви — как Онегин с Ленским или Болконский с Безуховым. Помните первую вашу встречу?

— Мы познакомились в костюмерной. Станислав Сергеевич Говорухин спрашивает у Володи: как ты считаешь, какой головной убор больше пойдет Жеглову? Высоцкий фантатовато так примеряет кепочку: ну как? Говорухин говорит: хорошо! Высоцкий надевает шляпу. Говорухин: еще лучше! Мне и то и другое нравится. — Мне тоже, — говорит Высоцкий.

— Знаешь, что мы сделаем? — И надевает шляпу на кепочку. — Вот мы снимаем меня в шляпе, а когда надо — я уже в кепочке. Тебе и то, и другое нравится!

Таким я впервые увидел живого Высоцкого.

— Вне сьемочной площадки вам приходилось общаться?

— Мы должны были сниматься на Каменном мосту сцену, когда Жеглов говорит: тебе хорошо, ты рядом живешь, а мне еще до общаги добираться. Пойдем ко мне, говорит Шарапов. А на парпете на фоне кремлевских звезд сидит узбек и курит сигареты «Кэмэл». Помните? Ночь. Дождь. Из-за каких-то технических неполадок съемка откладывается. Высоцкий кемарит в своем «Мерседесе». Наконец сняли. Три часа ночи. А в шесть утра мы должны снимать сцену с Кирпичом. И вдруг Владимир Семенович говорит: чего ты сейчас попрешься в гостиницу? Поехали ко мне, перекусим! То есть, по сцене я предложил ему диван, а тут — он мне. Естественно, я еду. И вот приезжаем к нему на Малую Грузинскую: я смотрю в окно, по которому струится дождь, он открывает холодильник, и виданный мною «Розенлев», и физиономия его вытягивается: пусто! А я в оконном стекле все вижу! Товарищи, которым он оставил ключ, упледали все разносолы. Голодные актеры сожрали все! И он вынимает из холодильника какой-то прошлогодний коржик, и на лице его такая буря эмоций! И он не знает, что я все вижу! «Володька, — говорит с тоской. — Вот... коржик... Зато — вот: «Липтон»! Английский чай «Липтон» в пакетиках, который мы, простые смертные, тогда и во сне не видели! «Я тебя сейчас чаем напою! Ты коржик поможешь туда, он размякнет и...» И тут он понимает, что я его вижу — «сквозь дождь». И говорит фразу, от которой у меня и сейчас мороз по коже: «Володь, ты знаешь, если я когда-нибудь утону в реке, то я всплыву вверх по течению».

— Вы, очень известный актер, снимались вместе с актером легендарным. На площадке Высоцкий не подавлял вас?

— Не буду скрывать, было такое. Владимир Семенович не терпел конкуренции в кадре. Когда кто-то рядом делал что-то неплохо, у него это вызывало желание — как бы это сказать? — быть лучше. Понимаете? И не всякий раз это было деликатно и корректно. Усмирять Владимира Семеновича мог только Говорухин, его друг. Он умел обуз-

дывать Высоцкий в этих самых «жегловских» скрипучих сапогах и во всю свою знаменитую луженую глотку — на пол-Одессы: «Ну, вы!!!» Дальше я не буду цитировать, чтобы не травмировать почтенных читателей «Вечерней Москвы». Приведу только последнее слово из его монолога: «Убью!!» Все тут же включилось, все тут же заработало и — мы без помарок сняли сцену. Хотя свет можно было и не включать: такие молнии метали его глаза. Это был великий человек, хотя не все творчество его бесспорно — для меня: может быть, потому, что я не дорос до великой поэзии подворотни.

Маменькин сыночек

— Вы ведь мальчик из интеллигентной семьи?

— Меня мама до десятого класса под ручку водила в школу. Я — маменькин сыночек и горжусь этим.

— Говорят, у маменькиных сыночков не бывает друзей.

— Друзей выбирает мое сердце. Дружбы, основанной на обшей бане, я не понимаю. В баню я не хожу: в бане мне скучно. У меня в детстве было три друга. Они тоже были как бы изгойми — мальчишки из интеллигентных семей. Мальчишки, которые гонялись в футбол и дурно выражались, нас не принимали.

— А вы не играли в футбол?

— Представьте себе. Водку в первый раз я попробовал, когда уже снимался в «Как закалялась сталь». Хотите верьте, хотите нет. Кстати, это была не водка, а спирт. Когда мы строили узкоколейку, было дико холодно, нас поливали брандспойтами, — и врачи «Скорой помощи» давали нам спирт, чтобы согреться. По пятьдесят граммов... Так вот, один из моих друзей был страстный филателист, как и я. А папа у него работал в тюрьме. И друга моего за это во дворе ненавидели, звали «тюремщик», — потому что у многих отцы сидели. Вокруг были баракы, а мы жили в пятиэтажке — с белыми ванными. И за это нас ненавидели. У нас папы есть, а у них нет — ненавидели. В 72-м году Сережа, — так звали моего друга, — поехал на велосипеде купить цветы невесте, и его сбил троллейбус — насмерть.

— А второй друг?

— Второй — Боря Лопотухин, он был еврей. Изумительный математик. Те ребята, которые играли в футбол, орали ему: «Ну ты, жидовня!» Он отвечал — почти шепотом: «Я белорус!» Я никогда этого не забуду. Он на втором курсе физмата сдал экзамен за весь курс обучения. Стал кандидатом наук. В 73-м я приезжаю в Саратов и мне говорят: Боря Лопотухин погиб. Как погиб? Тогда нужно было отрабатывать какие-то «нормы». Боря физиологически не может быть строителем, он не из того теста. Но его отправляют «отрабатывать» на стройку. И на него упала бетонная плита, на стройплощадке, где он, очкарик, изображал из себя каменщика, и превратила его в лепешку. Остались дети-погодки.

— Про третьего товарища спрашивать боюсь.

— Третий мой друг, Толя Киришкин, живет давным-давно в Минске, он газетный магнат. Это мой единственный — по детству, по жизни — друг. Иногда переговариваемся по телефону, когда ему хочется только мне что-то сказать, или мне — ему. Буквально позавчера, три часа ночи, не могу заснуть — и все. И я позвонил ему в Минск, и мы с ним часа два говорили...

— То есть с возрастом друзей не прибывает?

— У меня нет благоприобретенных по большому счету, потому что я к себе в дружбе отношусь очень предвзято. Мне кажется, что я... не соответствую. Когда мне говорят, что «ты — мой друг», я даже стесняюсь. Потому что это очень высокая доминанта: как форте в музыке. А после форте всегда идет кода. Я бы не хотел коды. Я молю Господа еще немножечко пожить, чтобы увидеть распрямляющиеся крылья моего внука Глеба. Я хочу увидеть свою шестимесячную внучку, которая живет в Питере, и я ее еще не видел. Я хочу, чтобы моя двенадцатилетняя дочь, которая учится в православной гимназии и в музыкальной школе Дунаевского, поет в трех церковных хорах, занимается балетом и рукоделием... я хочу ее увидеть — в полете. Я хочу увидеть ее избранника сердца, и если он мне придется по сердцу, тогда я благословлю этот брак. Во-он я ка-акой!.. Вот он какой! — Володя Конкин.